

Методы работы Донского охранного отделения с секретной агентурой

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с формами и методами деятельности политического сыска на Дону. Представлены инструкции по работе с наружным наблюдением, секретной агентурой в Донском охранном отделении.

Ключевые слова: Донское охранное отделение, сотрудники, секретные агенты, розыск, наблюдение, революционные организации, донесения.

Раздел: (03) философия; социология; политология; правоведение; науковедение.

В России в начале XX в. острые социально-экономические и политические проблемы, привели к назреванию крупномасштабного общенационального кризиса. Накал политической обстановки в стране способствовал усилению общественного и революционного движения не только в центре, но и на окраинах, в частности на Дону. В регионе был представлен весь политический спектр организаций и движений. Возникают революционные и националистические партии, развивается либеральное, а также черносотенное движение. В этот период стала очевидной неспособность губернских жандармских управлений справиться с новыми задачами. Методов, которые традиционно были в арсенале у политической полиции для противостояния революционному движению, оказалось недостаточно. Руководство Министерства Внутренних дел было серьезно настроено кардинально обновить всю систему политического сыска. Необходимо было проведение полицейской реформы, целью которой и стало бы создание новых розыскных учреждений, переименованных впоследствии в охранные отделения.

На основании циркуляра Департамента полиции с января 1903 г. начинает свою деятельность Донское розыскное отделение в городе Ростове-на-Дону. Одной из главных причин создания подобного органа послужила Ростовская стачка 1902 г.

Донское охранное отделение действовало на основании циркуляра Временного положения об охранных отделениях, утвержденного МВД (август 1902 г.) [1]. Начальник охранного отделения назначался по выбору Директора Департамента полиции из офицеров Отдельного корпуса жандармов и был прикомандирован к Губернскому Жандармскому Управлению. Если это был офицер, а не чиновник Департамента полиции, то кроме подчинения в строевом отношении, он должен был предоставлять информацию в Департамент полиции о ходе наблюдения и результатах розысков. Для объединения розыскной деятельности начальник ДОО должен был доносить о всех поступающих к нему агентурных сведениях и данных наружного наблюдения и получать от Департамента полиции соответствующие указания в отношении общего розыска в Империи [2].

Осуществлять подобную деятельность охранному отделению помогала обширная агентура как «наружного наблюдения», так называемых филеров, так и секретных агентов «в обследуемой среде» (пассивных осведомителей и активных участников в деятельности революционных организаций – провокаторов). Начальник ДОО в силу специфики деятельности, вынужден был заниматься вербовкой агенту-

ры, поэтому постоянно сталкивался с проблемой морального выбора. Ведь ему необходимо было помнить, что «сотрудничество» от «провокаторства» отделяется весьма тонкой чертой, которую очень легко перейти. Кстати, сотрудники охранных отделений и чины полиции, были убеждены, что «провокаторов» у них на службе нет. В архивах же, в частности в ГАРО имеется значительное количество списков лиц, которых запрещалось принимать на службу в охранные отделения. Они оказались «несоответствующими своему назначению в виду уличения их в провокации и шантаже» [3]. Бывали случаи, когда граждане сами выдавали себя за секретных сотрудников, например, некая Ида Боградовская обращалась к начальнику Донского охранного отделения (хотя телеграммы с таким же текстом предприимчивая дама отправила и в Таганрог, и в Луганск, и в Мариуполь) с предложением своих услуг для сотрудничества в группе анархистов-синдикалистов, естественно за денежное вознаграждение. Получила отказ, так как уже была известна как «шантажистка, выманивающая деньги» [4]. А вот крестьянин деревни Ивановки, Екатеринославской губернии Андрей Гаврилов Соколов, именовавшийся кличками «Боевой», «Прут», «Грибов», не стал надеяться на телеграммы, а сам лично с целью шантажа являлся ко многим жандармским офицерам и чинам полиции, выдавая себя за секретного сотрудника и сообщая им ложные сведения, брал за это деньги. Частным же лицам, он рассказывал, что достаточно его слова и любой из них будет арестован. После проверки оказалось, что Соколов сотрудником не состоял и все даваемые им сведения являлись сплошным вымыслом [5].

Однако случалось, что и секретные сотрудники, которые действительно состояли на службе относились к своим обязанностям не профессионально. Как правило, подобные агенты тут же увольнялись в виду выяснения недостаточности и тенденциозности сообщаемых ими сведений. Но уволить могли и по вполне банальной причине. Например, сотрудник ДОО Руццкий, был секретным агентом под кличкой «Летучий» с 1905 г., работал в период вооружённого восстания в Ростове среди социал-революционеров и делу розыска был весьма полезен. Однако прекратил свою работу в отделении, так как имел склонность к пьянству, причем, находясь в нетрезвом состоянии, хвастался исполнением своих служебных обязанностей. Так в частности в ГАРО по Донскому охранному отделению сохранился список из 143 человек, которые, будучи секретными сотрудниками, не заслужили доверия и список из 100 человек, которые шантажировали офицеров охранного отделения [6]. Однако это была только одна сторона медали. Работая под прикрытием: каждый секретный агент ежедневно рисковал быть разоблаченным революционерами. В частности, начальник Донского охранного отделения получил от заведующего Особым отделом департамента полиции сведения, помещённые в № 1 газеты «Революционная мысль», издателем которой был известный борец с провокаторами Владимир Бурцев и в газете «Красное знамя» № 156, а также в «Искре» № 71, 1904 год. В этих изданиях были опубликованы в алфавитном порядке (некоторые даже с приметами) два списка лиц по 53 человека в каждом, состоящих на службе в качестве секретных сотрудников при Охранных отделениях [7]. Причём документы содержали подробные сведения о каждом сотруднике, с указанием его деятельности, передвижений, к какой организации принадлежал, с указанием количества выданных революционеров или организаций. Например, был в этом списке и провокатор из Ростова-на-Дону Ражковский Адам. С указанием его примет – 22 года, роста среднего, темный шатен, продолговатое лицо, глаза черные, немного картавит, интеллигент, поляк, по профессии слесарь. Изобличённый он скрылся из Варшавы летом 1903 г. и продолжил свою деятельность в Одессе. Известно было,

что после Одессы Ражковский переехал в Ростов-на-Дону и поступил на завод и завязал отношения с социал-демократами, в 1905–1906 гг. был видным деятелем социал-демократической организации и членом комитета, известным под именем «товарищ Семён». Одновременно с этим Ражковский находился на службе в Охранном отделении, и большинство провалов произошли по его указаниям. В конце 1906 г. он собирався выехать из Ростова и местный комитет, ничего не подозревая, выдал ему хорошую рекомендацию для работы в новых партийных органах. Так же в этих списках упоминался и ещё один агент, но без таких подробных сведений как Ражковский. Указана только фамилия Шапарев – провокатор из Ростова-на-Дону. Подобные списки публиковались постоянно.

В ГАРО сохранился список в количестве 150 человек, признанных революционерами за провокаторов, некоторые упоминаются только по фамилии, некоторые с указанием городов, где они работали, некоторые с указанием агентами какого Охранного отделения они состояли [8]. Естественно для начальника охранного отделения эти агенты были провалены, и часто речь шла о том, что необходимо было спасти жизнь сотрудника. Так в частности, заведующий Донским охранным отделением подполковник Карпов (он займёт это место после П. П. Заварзина) получил донесение из Департамента полиции, что в партии социалистов-революционеров заподозрены в провокаторстве, проживающий в Ростове-на-Дону некий «Роберт» и сын пристава г. Новомосковска, Екатеринославской губернии некий Николай Васильевич, по кличке «Алексей», у которого будто бы было найдено письмо за подписью начальника ДОО. Партия приняла решение убить «Алексея», но позднее это решение было отложено, так как возникло подозрение, что упомянутое письмо было подброшено «Робертом». Для постороннего наблюдателя сложно разобраться в подобных интригах, а для сотрудников охранного отделения это была ежедневная работа. После изучения документов стало ясно, что операция эта была подготовлена начальником ДОО. Письмо действительно было отправлено им, а «Алексей», получив его, показал кому-то из членов комитета, заявив, что намеревается стать сотрудником в охранном отделении с целью действовать в пользу организации и подставить боевикам начальника охранного отделения. Когда же, наконец «Алексей» в действительности Николай Мильский, прибыл в Ростов, то полковник Карпов, задержав агента на 10 дней, воспользовался его отсутствием и начал ликвидацию Бахмутского Окружного комитета и его 11 районов. Полный провал организации (кстати, ликвидация была подготовлена и произведена по сведениям, которые предоставил агент по кличке «Роберт») в отсутствие «Алексея» послужила причиной обвинения его в провокации и ему был вынесен смертный приговор. Агента пришлось спасти. Что же касается упомянутого выше «Роберта» то им оказался Василий Артёмов Вержановский. Он отбыл 6-летнее наказание в тюрьме за участия в вооружённом ограблении 3 рублей из кассы магазина и открытое вооружённое похищение печатной машинки из типографии. Сотрудником охранного отделения он стал по собственному желанию, «убедившись в утопичных стремлениях революционных организаций». Он был принят на службу и под руководством начальника ДОО раскрыл организацию социалистов-революционеров, благодаря его сведениям была арестована типография эсеров с важными организационными документами и арестованы несколько видных партийных деятелей, а также был ликвидирован упомянутый выше Бахмутский Окружной комитет эсеров со всеми его районами и боевым комитетом и взята типография этого комитета, печати, оружие, важная переписка. Такого ценного сотрудника нельзя было оставлять в тюрьме, который, судя по его письмам

на имя императорского величества был «всею душою предан розыскному делу с особенным рвением способствовал правительственным агентам открывать намерения и цели революционных элементов. Суд в справедливом решении своем по делу о похищении печатной машинки... признал меня действовавшим по моей молодости, без разумения. Те нравственные страдания, которые я испытал за последние 3 года, и полное раскаяние, выразившееся в преданной службе правительству, дают мне смелость умолять Вас... даровать помилование, дав мне возможность новой службой доказать вою горячую любовь и преданность Вашему императорскому величеству» [9]. Начальник ДОО ротмистр Леонтьев будет ходатайствовать перед директором Департамента полиции о полном помиловании «принимая во внимание продуктивную, добросовестную и искреннюю работу, а также полутораговое заключение секретного сотрудника в тюрьме» [10].

Департамент полиции же, получая донесения об активном участии своих секретных агентов в революционной деятельности, а именно в экспроприациях с применением оружия, хранении бомб и т. п. Секретных сотрудников задерживали с личным или на месте преступления и привлекали к судебной ответственности. Заведующие охранными отделениями, узнав о деятельности своих секретной агентуры уже после привлечения их к следствию, в своих донесениях старались оправдать провокационную их деятельность. Они обращались в Департамент полиции с ходатайствами об освобождении своих сотрудников от судебной ответственности. Но такое поведение не одобрялось руководством, так как согласно инструкции Департамента полиции, если «секретный сотрудник состоял членом революционной организации он не должен был заниматься так называемым «провокачеством», т. е. самим создавать преступные деяния и подводить под ответственность за содеянное ими других лиц, играющих в этом второстепенную роль или даже совершенно невиновных [11]. Однако, если для сохранения своего положения в организации ему приходилось участвовать в активной партийной деятельности, то он должен был просить разрешения лица, руководящего операцией и постараться уклоняться от тех мероприятий, которые могли быть опасны для кого-либо и не привлекать к соучастию других лиц. В тоже же время, чтобы сохранить секретного сотрудника от разоблачения, начальник охранного отделения должен был принять все меры безопасности, чтобы обезвредить задуманное предприятие, т. е. предупредить его с сохранением интересов сотрудника. Однако, если агент нарушал инструкции или совершил преступление, не получив соответствующих указаний от старшего чина, руководящего агентурой, то Департамент ни в какой мере не выступал в защиту уличенного в преступлении сотрудника, а отвечать за «вредную деятельность» также должен был и заведующий розыском» [12]. Ведь никогда нельзя было быть уверенным в искренности бывших осведомителей, которых завербовали, как правило, в результате давления или угроз. Нельзя было поручиться со стопроцентной гарантией за надежность подобных агентов, какие бы важные услуги они не оказывали ранее. Каждый секретный агент рано или поздно начинал переосмысливать свою деятельность, задавать себе вопросы, связанные с правильностью выбора, мучиться от осознания виновности в арестах и расправе над революционерами, которые пострадали в результате его доносов. Это был момент очень опасный для заведующего розыском. Ведь у сотрудника рождалась мысль, что именно заведующий виноват в его психологических мучениях, связанных, как он считал с предательством, и он решал отомстить ему за своё падение, хотя в большинстве случаев последний не был виноват. Этот сложный момент неминуемо наступал у каждого сотрудника, кроме тех агентов,

которые обладали твердыми убеждениями, верой в исключительность партийных идей. Как отмечают некоторые исследователи [13; 14] в период психологического кризиса у секретных агентов, заведующему отделением, необходимо было проявить весь свой профессионализм и свои человеческие качества. Этот критический момент очень важно было не упустить. В этот период настоятельно требовалось или поддержать сотрудника морально, или совсем вывести его из революционной среды, из организации. Для реабилитации устроить работать совсем в другой области, вообще не связанной с агентурной деятельностью. «Он должен быть вдалеке от политики, постараться совсем забыть её. Если офицер не успевал этого сделать, всё очень часто оканчивалось катастрофой для него самого» [15].

Принимая во внимание специфику деятельности охранных отделений, опасная тенденция существования двойных агентов была всегда. Ведь основной задачей органов политического сыска было внедрение секретной агентуры. Для заведующего охранным отделением как показатель эффективности работы его тайные провокаторы должны быть во всех общественных организациях и политических партиях. Поэтому причины и последствия двойной игры, которую вели секретные сотрудники с розыскными органами, были самыми различными. Речь могла идти о сознательном переходе осведомителя на сторону противника, об утаивании информации, о проверке агента и введении в заблуждение органов политического сыска. Проблема провокаторства вытекала из самой организации политического розыска в России, так как его основу составляли секретные агенты, завербованные из числа революционеров. Представители либеральной оппозиции и революционеры довольно часто обвиняли тайную полицию. Суть обвинений состояла в том, что она специально провоцирует антиправительственные выступления, причем в качестве инициаторов выступают агенты охраны. В результате полиция получала вполне законный способ для того, чтобы на законных основаниях применить меры пресечения для тех, кто принимал активное участие в выступлениях против существующего порядка управления. В принципе, если принять во внимание тот ущерб, который наносили подобные акции, то можно согласиться с обвинениями в адрес охраны. Ведь при использовании секретных агентов всегда возникала проблема, как с точки зрения закона, оценивать их действия. Ведь только активно участвуя в революционной деятельности, а в идеале возглавляя организацию и снабжая охранное отделение ценной информацией, можно было принести максимальную пользу. Поэтому только заведующий отделением мог поощрять подобную противоправную деятельность своего сотрудника. Ведь основной целью вербовки было получение и сбор ценной информации.

Агенты внутреннего наблюдения входили в революционную организацию не для того, чтобы повлиять на членов ее, уговорить их прекратить борьбу и противоправительственную деятельность. Наоборот, они в организации поддерживали все активные меры, которое разрабатывало партийное подполье. Ликвидацию же революционной организации официально осуществляли все-таки чины жандармерии, начиная ее с обысков и арестов и заканчивая допросами на дознании и следствии. Они старались подействовать на арестованного своей осведомленностью, принудить его подписать протокол такого содержания: «Признавая свое заблуждение, я раскаиваюсь в том, что поддавался влиянию таких людей, которые разными искусственными средствами поддерживали в обществе недоверие к существующему порядку и рисовали лучшие картины жизни в каком-то будущем, называя его социализм. Теперь после долгих размышлений, я пришел к противоположному взгляду и, сознавая всю тяжесть своего преступления, прошу о снисхождении и прощении» [16].

В революционной среде Ростов-на-Дону считался «провокационным городом». Из Ростова вообще в другие местности партийных работников не принимали даже с явками, по той причине, что подозревали в явившемся, агента охранного отделения. И как докладывал в 1908 году начальник Охранного отделения полковник Карпов «в настоящее время, везде, где розыскное дело поставлено правильно, в революционной среде замечается стремление почти поголовно подозревать друг друга в провокаторстве, причём без всяких данных, и замечено, что обвинение быстро отпадает, если обвиняемый бодро защищает себя. В конце концов, революционная среда в этом отношении дошла в своих подозрениях до того, что положительно стали не доверять друг другу и стали обвинять в провокаторстве лиц, совершенно не причастных к Охранному отделению. Попутно останавливались и на лицах, действительно состоящих сотрудниками Охранного отделения. Данные к обвинению первых были более основательны, по отношению же последних крайне гадательны» [17].

Революционеры со своей стороны высоко оценивали деятельность Донского охранного отделения. Как вспоминает участник событий В. Водолазский: «Ростовская жандармерия принимала самые активные меры к ликвидации революционных проявлений. Небезызвестный начальник жандармского управления Карпов достиг к этому времени наивысших успехов «по разведению» провокаторов и предателей. Благодаря их гнусной работе, охранка часто знала о многих революционных начинаниях, почему и могла принимать своевременные меры к их ликвидации. Аресты не прекращались. Тюремные области были переполнены интеллигенцией и рабочими» [18].

Для начальника Донского охранного отделения наверняка это был самый лучший отзыв о его работе. Подтверждение эффективной деятельности его секретной агентуры, а также сотрудников, которые занимались внутренним и внешним наблюдением. Такие результаты свидетельствовали о его высоком профессионализме, умении качественно и на должном уровне организовать политический розыск.

Ссылки на источники

1. ГАРО. – Ф. 826. – Оп. 1. – Д. 467. – Л. 45.
2. ГАРО. – Ф. 829. – Оп. 2. – Д. 18. – Л. 74.
3. ГАРО. – Ф. 826. – Оп. 2. – Д. 48. – Л. 67, 102.
4. ГАРО. – Ф. 826. – Оп. 2. – Д. 66. – Л. 15.
5. ГАРО. – Ф. 826. – Оп. 2. – Д. 66. – Л. 78–90.
6. ГАРО. – Ф. 826. – Оп. 2. – Д. 66. – Л. 79.
7. ГАРО Ф. 826. – Оп. 2. – Д. 66. – Л. 95–100.
8. ГАРО. Ф. 826. – Оп. 2. – Д. 66. – Л. 120–140.
9. ГАРО. Ф. 826. – Оп. 2. – Д. 66. – Л. 254.
10. ГАРО. Ф. 826. – Оп. 2. – Д. 66. – Л. 257.
11. ГАРО. Ф. 26. – Оп. 2. – Д. 48. – Л. 30.
12. ГАРФ. Ф. 102. – Оп. 262. – Д. 23. – Л. 1–12.
13. Сердюк И. И. Особенности профессионально-обусловленных деструкций личности // Современные тенденции в науке и образовании: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф.: в 6 ч. – М.: ООО «Ар-Консалт», 2014. – С. 108–109.
14. Лобанова А. В. Исторический экскурс изучения влияния условий труда на здоровье и психическое благополучие человека // Концепт: науч.-метод. журн. – 2014. – Т. 20. – С. 476–480.
15. Спиридович А. И. Записки жандарма. – М., 1991. – С. 195.
16. Баторгин М. Н. Перед лицом царского самодержавия. – М., 1964. – С. 148–149.
17. ГАРО. – Ф. 826. – Оп. 2. – Д. 70. – Л. 200.
18. Келлер В. Ю. Организация и деятельность Донского охранного отделения, а период революции 1905–1907 гг.: дис. ... канд. истор. наук. – Кропоткин, 2006. – С. 226.

ART 14854

УДК 351.746.1

Valentine Keller,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Branch "Kuban State University", Tikhoretsk

keller-a@yandex.ru

Methods of work of Don's secret police with secret agents

Abstract. The article discusses issues related to the forms and methods of political investigation on the Don. Provides instructions for working with the surveillance, secret agents in the security branch of the Don.

Key words: Don security department, employees, secret agents, search, watch, revolutionary organizations, and reports.

ISSN 2304-120X

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук, главным редактором журнала «Концепт»